

16. Современная сельская семья.
17. Изменяющаяся сущность религиозных институтов в деревне.
18. Роль государства в интегрированном развитии.
19. Формирование среды и качество жизни.
20. Отдых, досуг и направление интегрированного развития.
21. Представления об образе жизни (ценностные ориентации), их влияние на процессы развития.

Как видим, семинары охватывают широкий круг проблем, связанных с главной тематикой конгресса.

Рабочими языками конгресса будут английский, французский, немецкий и русский. На эти языки будут переводиться доклады и выступления на пленарных заседаниях.

Польские социологи надеются, что предстоящий конгресс позволит установить тесные контакты между учеными, занимающимися проблемами развития деревни в эпоху индустриализации и технического прогресса.

З. Т. Вежбицкий

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ФИННО-УГРОВЕДОВ

9—15 сентября 1975 г. в г. Будапеште (ВНР) состоялся IV Международный конгресс финно-угроведов. В нем приняли участие 700 делегатов из 25 стран и около 300 гостей, главным образом научная молодежь. Наиболее представительными были три делегации: Венгерской Народной Республики (свыше 200 чел.), Финляндии (около 200 чел.) и СССР (190 чел.). Президентом конгресса был избран академик Дьюла Ортутай (ВНР).

Одной из отличительных черт IV Международного конгресса финно-угроведов по сравнению с тремя предыдущими было расширение его профиля за счет повышения удельного веса исторической проблематики. Это отразилось как на структуре конгресса, так и на профессиональном составе делегаций¹.

На работе конгресса положительно сказалось то обстоятельство, что Международный организационный комитет заранее выдвинул узловые проблемы, а основные доклады почти за полгода были опубликованы и разосланы делегатам. Кроме того, к открытию конгресса были напечатаны тезисы многих докладов².

Была принята следующая структура конгресса: пленарные заседания, секционные заседания, совещания по специальным темам («круглые столы»), заседания по свободно избранным темам.

Состоялось четыре пленарных заседания. Параллельно проводились заседания четырех секций — языковедческой, этнографической, археолого-историко-антропологической и литературоведческой. «Круглые столы» по профилю рассматриваемых проблем соответствовали секциям.

Всего во время конгресса было прочитано более 150 докладов, а также значительное число содокладов и сообщений.

На первом пленарном заседании обсуждались проблемы развития финно-угроведения и методика исследований. С основным докладом на тему «Состояние и направление исследований в финно-угроведении» выступил Д. Лако (ВНР), крупный исследователь в области лингвистики, сосредоточивший внимание на проблемах языкознания в финно-угроведении. Докладчик отстаивал значимость сравнительно-исторического метода в языкознании, незаслуженно, по его мнению, принижаемого в современных исследованиях. Д. Лако ограничился главным образом лингвистическими проблемами, причем остановился лишь на ранних исследованиях в этой области. Именно поэтому выступавшие в дискуссии отмечали недостаточное освещение в докладе вопросов современного финно-угроведения.

Существенным дополнением к основному докладу явились два содоклада советских ученых — языковеда Ю. С. Елисеева и этнографа Н. Н. Чебоксарова. Ю. С. Елисеев осветил развитие современного советского финно-угорского языкознания, подробно охарактеризовал исследовательскую работу во всех центрах финно-угроведения в СССР. Н. Н. Чебоксаров говорил о задачах и методах комплексного изучения

¹ В состав делегации Советского Союза входило 40 этнографов и фольклористов, 19 археологов, 6 антропологов, 7 собственно историков. Делегаты конгресса от Отделения истории АН СССР представляли центральные, союзно-республиканские и автономно-республиканские научные учреждения, вузы и музеи.

² Основные доклады напечатаны в кн.: «Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum», Budapest, 1975; тезисы напечатаны в кн.: «Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum», Budapest, 1975.

финно-угорских народов. Обсуждение выдвинутых в содокладах проблем было продолжено на секционных заседаниях.

На втором пленарном заседании с основным докладом на тему «Языковые, этнические и культурные границы» выступил К. Вилкуна (Финляндия). Используя данные различных гуманитарных наук, докладчик подверг критике некогда широко распространенный взгляд, которого придерживался и он сам, о полном совпадении языковых, культурных и этнических границ. К. Вилкуна убедительно показал, как внутри определенного языкового ареала возникают различные культурные области, рассмотрел вопрос о мере совпадения этнических и языковых границ. В докладе широко привлекались и материалы по Советскому Союзу. К. Вилкуна обратил внимание на социально-экономические и политические факторы для рассмотрения этих проблем.

С содокладом «Современные этнические процессы у финно-угорских народов СССР» выступили на этом заседании И. С. Гурвич и Л. Н. Терентьева (Москва). Они поддержали основные положения, выдвинутые К. Вилкуна, и показали их справедливость в применении к современному этническому развитию финно-угорских народов СССР. Вместе с тем в содокладе были высказаны критические замечания относительно некоторых суждений К. Вилкуна. В частности, И. С. Гурвич и Л. Н. Терентьева говорили о том, что природные условия влияют на развитие общества не непосредственно, а опосредованно, через социально-экономические условия. Кроме того, докладчики обосновали понимание этноса как историко-социального явления, подчиненного законам социального развития, а не как явления биологического порядка, главные определяющие черты которых — расовые свойства, как указывал К. Вилкуна.

Второй содоклад, А. Х. Халикова (Казань), был посвящен локализации финно-угров Поволжья и Приуралья по данным археологии.

На первом заседании этнографической секции рассматривались проблемы общественного строя финно-угорских народов. В основном докладе Т. Бодроги (ВНР) поставил вопрос о соотношении систем родства венгров и других финно-угорских народов. Как отмечали участники заседания, некоторые положения доклада были неточными. Так, Т. Бодроги утверждал, что поскольку изменения в системе родства ведут к изменениям в номенклатуре родства, сегодняшняя терминология отражает современную структуру родства. В действительности же современные термины родства отстают от современных норм брачных отношений. Кроме того, в этих терминах отражаются напластования различных эпох. Не нашел места в докладе также и вопрос о возрастных классах.

Доклад Т. Бодроги был дополнен рядом содокладов. З. П. Соколова (Москва) подняла вопрос о происхождении дуально-фратриальной организации хантов и манси, подчеркнув ее древний характер. И. Футаки (ФРГ) изложил свои выводы, основанные на анализе материалов видного немецкого финно-угроведа В. Штейница по обским уграм и советского исследователя Л. А. Файнберга по иганасанам. Он выступил в полемику с Т. Бодроги по вопросу о соответствии терминов родства брачным нормам и сделал ряд замечаний относительно методики исследования. Ю. Морвей (ВНР) охарактеризовала венгерскую систему родства, отметив в ней следы возрастных ограничений, а также вторичный характер некоторых ее архаических форм. В. И. Васильев (Москва) в содокладе «Генезис фратриально-родовой организации сибирских ненцев» высказал мнение о позднем происхождении ненецких фратрий.

На втором заседании секции этнографии обсуждался круг вопросов, затронутых в основном докладе С. В. Иванова (Ленинград) «Традиционное искусство финно-угорских народов». На основании исследования археологических и этнографических источников докладчик выделил три основных комплекса геометрических мотивов в орнаменте, известных всем финно-угорским народам Советского Союза, Финляндии и Венгрии. Первый встречается на изделиях из бересты, второй — на предметах из дерева и кости, третий — в орнаменте вышивок, в ткачестве и вязании. Истоки первого комплекса уходят в эпоху неолита, второй комплекс складывается, видимо, в эпоху бронзы. Датировка третьего комплекса, исторически более позднего, требует уточнения. С. В. Иванов обратил внимание на необходимость коллективных усилий ученых Советского Союза, Финляндии и Венгрии — этнографов, археологов и историков искусства — для всестороннего изучения искусства финно-угорских народов, призвал к созданию альбомов по орнаменту отдельных этносов. Докладчик высказал мысль о целесообразности выделения вопросов, связанных с изучением народного орнамента, в особую область знания — орнаментоведение.

В содокладе Л. С. Грибовой (Сыктывкар), построенном в основном на археологическом материале, ставилась цель выявить в искусстве приуральских финно-угров XIX — начала XX в. элементы так называемого пермского звериного стиля (в резьбе по дереву, на украшениях из металла, меховой мозаике). Л. С. Грибова рассмотрела также основные этапы сложения пермского звериного стиля. В содокладе Г. Н. Климовой (Сыктывкар) характеризовался орнамент коми-зырян и коми-пермяков. Выделенные ею признаки этого орнамента нанесены на карту, причем, по ее наблюдениям, ареалы многих локальных особенностей орнамента совпадают с границами распространения диалектов языков коми. В содокладе С. Н. Виноградова (Ижевск) был поставлен вопрос о семантике так называемых «соляных знаков» в орнаменте удмуртов, анализировались древние представления этого народа о солнце. Ю. А. Савватеев (Петрозаводск) рассказал об открытии в 1967—1974 гг. новых петроглифов на

Онежском озере, об их сюжетах, а также о семантике некоторых наскальных изображений. Докладчик считает целесообразным пересмотреть исторический возраст этих древнейших памятников изобразительного искусства на Европейском Севере СССР. Ю. Коош (ВНР) показала, как проявляются традиции народного искусства в современных финских народных промыслах.

Третье заседание секции этнографии было посвящено проблемам изучения финно-угорской народной музыки. В основном докладе Д. Сомьяш-Шифферта (ВНР) «История и итоги сравнительного изучения финно-угорской народной музыки» был дан обзор венгерских исследований в этой области начиная с работ А. Лауниса и Э. Кодаи и до настоящего времени. С работами советских ученых докладчик, очевидно, незнаком и о них не упоминал. Во второй части доклада была предпринята попытка провести параллели между древнейшими типами венгерских народных напевов и мелодиями других финно-угорских народов. Однако теория Д. Сомьяш-Шифферта о родстве венгерских причитаний и других мелодий с напевами карельских песен цикла Калевала, а также эстонскими двухстрочными мелодиями с квинтовым звукообъемом и со спускающимся направлением мелодической линии представляется спорной, так как подобные напевы у прибалтийско-финских народов составляют относительно поздний слой напевов песен рунической формы. У этих народов (води, эстонцев и др.) сохранились более архаичные однострочные напевы. Отметив это, председатель секции И. Рюйтель (Таллин) подчеркнула, что у венгров подобные мелодии не сохранились.

У. Коляк (Тарту) в своем содокладе подчеркнул значение типологического анализа в сравнительном изучении финно-угорской музыки. Подробнее он остановился на напевах причитаний сету, в основном на характеристике их звукорядов. Поддерживая теорию Д. Сомьяш-Шифферта, докладчик высказал мнение, что эти напевы составляют самый архаичный слой эстонской музыки. Однако, как отмечалось в прениях, подобные причитания характерны только для сету, музыкальная культура которых сильно отличается от народной музыки населения других районов Эстонии, поэтому их едва ли можно рассматривать как древнейший вид эстонских напевов вообще.

Л. Викар (ВНР) в содокладе ознакомил слушателей со своей работой по собиранию, изучению и публикации музыкальных произведений приволжских народов (мари, чувашей, удмуртов, мордвы и татар). По его мнению, новые исследования ставят под сомнение распространенный прежде среди венгерских ученых взгляд о родстве венгерских и маришских напевов. Л. Олшвай (ВНР), напротив, поддержал старую теорию о родстве венгерских мелодий с мелодиями приволжских финно-угров. И. Тынурист (Таллин) выступил с содокладом, посвященным истории кантеле и гуслей.

Первое заседание «круглого стола» по этнографическим проблемам было посвящено жанровой структуре народной поэзии финно-угорских народов. В. Фойгт (ВНР) охарактеризовал главные методы изучения жанровой системы финно-угорского народного творчества в Венгрии — лингвистический, типологический и генетический. Э. Я. Кокаре (Рига) поставила задачу показать проницаемость двух жанров эстонского и латышского фольклора — пословиц и народных песен. И. Катона (ВНР) рассказал о жанровой структуре венгерского фольклора, о типологии и структуре венгерских песен. Т. Деметер (ВНР) осветила результаты изучения венгерской народной драмы. П. К. Поздеев (Ижевск) на основании новых материалов доказывал существование у удмуртов особого жанра эпических песен. В своем выступлении К. Т. Самородов (Саранск) показал разнообразие жанров мордовской свадебной поэзии. Подробнее он анализировал причитания и песни, связанные со свадебным обрядом, раскрыл их функции в свадебной игре. Э. Шмит (ВНР) охарактеризовала типологию жанров фольклора манси и хантов. Подвергнув критике существующие системы их классификации, она предложила свою, в основу которой положена функция жанра. Однако предложенная Э. Шмит система классификации не была безоговорочно поддержана выступавшими в прениях. И. Криза (ВНР) посвятила свое выступление структуре венгерской баллады.

Второе заседание этнографического «круглого стола» по теме «Социальные функции народных обычаев финно-угорских народов» открылось докладом Г. Н. Грачевой (Ленинград) «Половозрастные категории и погребальный обряд у пганасан». На основании анализа собственных полевых материалов она пришла к выводу о зависимости погребального обряда и способа захоронения от пола и возраста умершего. К. Кехальми (ВНР) в докладе о культе медведя у манси, опираясь на работы советских ученых А. П. Окладникова, Г. М. Василевич, С. В. Иванова, высказала точку зрения о зарождении этого культа в Сибири в период неолита. Ю. Пентикайнен (Финляндия) в докладе «Типология сверхъестественных представлений (на лопарском материале)» рассказал о своем методе, который он использовал при исследовании утери информации или изменения ее интерпретации у одного и того же информатора с течением времени. Применение этого метода привело его к заключению, что создание информации — социальный процесс; ее интерпретация меняется со временем и с изменением социальной среды. Народная память коммуникативна; ее изменение влияет на объяснение информатором сверхъестественных представлений. В. А. Аккорин (Июшкар-Ола) в своем докладе охарактеризовал исторический процесс трансформации верований и обрядности у мари, особо остановившись на интернациональном характере их духовной культуры в настоящее время. В докладе А.-Л. Кууси (Финляндия)

рассматривались основные этапы начала шаманской деятельности сибирского шамана, усвоения им определенных знаний, приобретения «мастерства». Это сообщение было построено на материалах советских исследователей, в частности Е. Д. Прокófьевой. М. Хоппал (ВНР) в докладе «Система верований, мировоззрения и мифологии» высказал мнение, что для анализа любого мифологического текста необходимо учитывать: 1) представления о мире, 2) факты, которые поддерживают эти представления; 3) логику мышления автора текста. Докладчик подчеркнул необходимость сравнительных исследований.

Третье заседание этнографического «круглого стола» было посвящено вопросам дифференциации и интеграции в материальной культуре финно-угорских народов. С докладом «Оленеводство в Северной Евразии» выступил Я. Кодолани (ВНР), выразивший мнение, что оленеводство в Северную Евразию принесли самодийские народы, от которых оно было воспринято обскими уграми и коми-зырянами. Переход к оленеводству привел к тому, что культура северных групп стала сильно отличаться от культуры остальных части этих народов. Это способствовало дифференциации культуры. Что касается эволюции лопарского оленеводства, то если оно генетически связано с самодийским, то эти связи были давно нарушены, и развитие оленеводства у лопарей пошло своим путем. Н. В. Шлыгина (Москва) в своем докладе анализировала развитие женской одежды у малых финноязычных народов, живших в конце XVIII — начале XX в. на территории современной Ленинградской области. По мнению Н. В. Шлыгиной, этнографические материалы позволяют судить о сильном проникновении русских элементов в одежду води и ижоры в XIX в. Можно говорить о переходе к русским формам одежды уже на рубеже XIX—XX вв. Это вполне закономерное явление, отражающее общую направленность этнических процессов у данных народов. Л. Н. Жеребцов (Сыктывкар) в своем докладе проследил процесс формирования особенностей в народной культуре коми под влиянием контактов с соседними народами. В докладе А. Вийреса (Таллин) на примере изучения транспортных средств прибалтийско-финских народов была показана роль различных факторов, влияющих на дифференциацию и интеграцию материальной культуры: природных, экономических и историко-культурных. Доклад Л. Кеси-Ковача (ВНР) был посвящен проблеме domestikации лошади, доклад Л. Такача (ВНР) — способам отметки границ владения при подсечном земледелии у венгров.

Первое заседание археолого-историко-антропологической секции было посвящено проблеме южных связей древнего населения Урала в каменном веке. Л. Я. Крижевская (Ленинград) в дополнение к опубликованному тексту своего основного доклада «Южные связи уральских культур в эпоху позднего каменного века» сообщила об открытии нескольких новых памятников мезолита в Среднем Зауралье. Г. А. Панкрушев (Петрозаводск) в содокладе «О единстве культур на территории Карелии и Финляндии в мезолите и раннем неолите» стремился показать, что эти области заселялись в X—IX тысячелетиях до н. э. выходцы с востока, вероятно всего из Приуралья, постепенно осваивавшие освобождавшиеся из-под ледника пространства.

И. И. Гохман (Ленинград) в содокладе «О происхождении финно-угров по данным краниологии и палеоантропологии» высказал мнение, что ослабленная профилированность лица и переносья, свойственная населению Северо-Восточной Европы, восходит к антропологическим типам Оленеостровского и Нижнеднепровских могильников, находит некоторые аналогии в верхнепалеолитических погребениях на Сунгире (под Владимиром) и выражает различия между населением северных областей Восточной Европы и южными европеоидами. Граница между этими типами проходила, по-видимому, вдоль лесостепной зоны от Северного моря до Приуралья. Население северных областей Восточной Европы могло быть тем основным субстратом, на базе которого в древности в процессе контактов с южными европеоидами и сибирскими монголоидами складывались расовые особенности финских и угорских народов.

Второе заседание секции обсудило тему «Возникновение производящего хозяйства у финно-угров». Основной доклад по этой теме «Возникновение производящего хозяйства и финно-угры» был подготовлен ныне покойным А. П. Смирновым (Москва).

Я. Матолци (ВНР) в своем содокладе привел материалы о возникновении скотоводства у древних финно-угров. Э. С. Мугуревич (Рига) посвятил свой содоклад производящему хозяйству у даугавских ливов X—XV вв. В содокладе М. Ф. Жиганова (Саранск) говорилось о развитии производящего хозяйства у древней мордвы. Р. Д. Голдина (Ижевск) выступила с сообщением о производящем хозяйстве у коми-пермяков.

В дискуссии приняли участие К. А. Смирнов (Москва), С. Лаул (Таллин), А. Барта (ВНР). Выступавшие подчеркнули роль заимствований. В частности отмечалось, что сам процесс одомашнивания животных не характерен для финно-угорских народов. В заключительном выступлении председатель секции К. Мейндер (Финляндия) отметил большое значение археологии для изучения истории финно-угров.

На третьем заседании археолого-историко-антропологической секции обсуждалась тема «Заселение венграми современной территории и его предпосылки». Основной доклад по этой теме был сделан Д. Ласло (ВНР), который отметил, что источники содержат много указаний, противоречащих представлению об однократном переселении предков венгров в Прикарпатье. Д. Ласло предположил, что уже в 670 г. вместе с булгарами в Прикарпатье переселилась большая группа оногуров, которые утвердили

венгерскую речь. Р. Г. Кузеев и Т. М. Гарипов (Уфа) в содокладе поддержали гипотезу ряда ученых, что мадьярские племена во второй половине I тыс. н. э. обитали между Уралом и Волгой — в области, условно называемой «Великой Венгрией». Одним из доказательств справедливости этой гипотезы может послужить наличие среди названий венгерских племен ряда имен, обнаруживающих аналогии в башкирских этнонимах (юрматы, тархан, кесе, нагман, юлман, булгар и др.) Содоклад И. Диенеша (ВНР) был посвящен анализу элементов изобразительного искусства на древневенгерских изделиях. Сопоставив древневенгерское искусство с иранским и сибирским, докладчик пришел к выводу, что точка зрения Д. Ласло о раннем проникновении предков венгров в Прикарпатье не находит подтверждения. В содокладе М. Русу (СРР) характеризовались памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Трансильвании. Докладчик показал, что здесь значительные группы болгарского населения сосуществовали с аварским населением. Большое значение имел и славянский компонент. В содокладе Е. А. Халиковой (Казань) анализировались находки из могильника Большие Тиганы на Нижней Каме, датируемого VII—IX вв. н. э. Погребальный обряд и вещевого комплекса сравнивались с аналогичными данными, полученными в результате раскопок могильника венгров Арпада IX—X вв. в Прикарпатье. По мнению Е. А. Халиковой, обнаруженные аналогии позволяют считать Нижнюю Каму первоначальной территорией обитания древних венгров накануне их переселения в Прикарпатье. Этот вывод вызвал оживленную дискуссию. Большинство выступавших отмечало, что могильники на Каме и в Прикарпатье свидетельствуют о больших различиях в погребальном обряде, керамике, костюме; поясные наборы в абсолютном большинстве происходят из среднеазиатских торгово-ремесленных центров. Это в какой-то степени противоречит точке зрения о прямых этнических параллелях между Прикамьем и Прикарпатьем.

О связях элементов материальной культуры венгров и народов Поволжья говорили Г. А. Архипов (Йошкар-Ола), выступивший с сообщением «Общие элементы в материальной культуре марийцев и венгров по археологическим данным» и Е. П. Казанков (Казань), посвятивший свое выступление угорскому этническому элементу в средневековых памятниках Среднего Поволжья. В. А. Семенов (Ижевск) выделил угорские элементы в поломской культуре, легшей в основу формирования удмуртского этноса.

На одном из заседаний «круглого стола» была обсуждена тема «Место исторической науки в финно-угорских исследованиях». С основными докладами выступили К. И. Козлова (Москва) — «О ясной общине у мордвы в XVII в.» и А. С. Жербин (Петрозаводск) — «Советская историческая наука о карелах». Участники заседания отметили, что историки внесли значительный вклад в изучение проблем финно-угроведения.

Историки и этнографы на заседании «круглого стола» обсудили также тему «История и современные процессы в развитии финно-угорских народов». Доклады и выступления сгруппировались по трем проблемам: 1) историческая этнография, общественные и этнокультурные связи; 2) современная история, общественные и международные связи финно-угорских народов; 3) современные этнические процессы у финно-угорских народов СССР.

Первой проблеме были посвящены четыре доклада — венгерского ученого П. Вереша (ВНР) и советских исследователей А. Х. Магометова, Т. Исламова и Т. В. Лукьянченко. П. Вереш предпринял попытку реконструировать традиционные социальные и этнические общности манси на основе сравнения географического распространения мансийских диалектов и говоров в XVIII—XX вв. и границ административных единиц на территории расселения манси. В результате он пришел к выводу о том, что мансийские диалекты в основном совпадают с бывшими племенами. А. Х. Магометов (Орджоникидзе) на основе исторических источников, фольклорных и этнонимических данных проследил политические и этнокультурные связи древних венгров и алан-осетин. Т. В. Лукьянченко (Москва) показала, что народная одежда сазамов позволяет установить древние связи их как с финно-угорскими народами, так и с другими соседями, а также проливает свет на некоторые моменты истории этого небольшого народа. Т. Исламов (Москва) посвятил свой доклад методическим проблемам.

Вопросы, связанные со второй проблемой, были затронуты П. Тайншмидтом (ГДР), показавшим влияние международной обстановки и политики СССР на революционное движение венгров 1930—1940-х годов, и А. Менгером (ГДР), остановившимся на отношении разных слоев немецкого населения к финскому освободительному движению в начале XX в.

Третьей проблеме были посвящены доклады и выступления С. В. Дорожкина (Саранск), М. Н. Власовой (Петрозаводск), Л. В. Хомиц (Ленинград), Е. В. Рихтер (Таллин), Н. П. Павлова (Ижевск), Н. Ф. Мокшина и В. А. Балашова (Саранск). Эти ученые широко использовали статистические и социологические данные для исследования современных этнолингвистических и собственно этнических процессов.

Одно из заседаний «круглого стола» было посвящено вопросам антропологической дифференциации финно-угорских народов в связи с вопросами их формирования. П. Липтак (ВНР) в докладе «Палеоантропология и этногенез древних венгров»

на краниологических сериях с территории Венгрии, относящихся к концу I — началу II тысячелетия н. э., используя определения расового типа индивидуума, выделил большое число расовых типов самого разного происхождения. Отмечалось, например, присутствие «кроманьонского», «южносибирского», «памирского», «нордического» типов в одной или нескольких близких краниологических сериях черепов. Особенно разнообразны, с точки зрения П. Липтака, серии аварского времени, где он выделяет антропологические типы, относящиеся к разным хронологическим этапам и этническим общностям (в докладе упоминались «нордические», «кроманьонские», «иранские» наряду с «протомонголоидами», «синидами»).

В докладе Я. Немешкери (ВНР) «Антропология современных популяций Венгрии» говорилось об обследовании более чем 40 региональных и этнических групп современного населения Венгрии в западной части страны, в междуречье Дуная и Тисы, в северо-восточной Венгрии. Докладчик, используя типологический метод, выделил в современном населении и «уральские типы» и «кроманьонские элементы».

В приведенных выше докладах использованы обширные материалы, но применяемая исследователями методика не позволяет в полной мере их оценить.

В совместном докладе Т. Д. Гладковой (Москва) и Т. Тота (ВНР) было показано, что по признакам дерматоглифики венгры относятся к европеоидным популяциям. Не удалось выявить какие-либо «сибирские» (угорские) черты.

К. Ю. Марк (Таллин) в докладе «Соматология угорских народов» показала существенные различия в антропологической характеристике венгров Закарпатья и обских угров. Ему были привлечены палеоантропологические данные (в частности, высказывалась точка зрения о гетерогенности «андроновцев» на Южном Урале, часть из которых могла быть предками древних угров, ушедших на запад в составе кочевников). В докладе И. М. Золотаревой (Москва) «Антропология самодийских и угорских народов Западной Сибири» были представлены антропологические характеристики нагасан, энцев и ненцев в сопоставлении с хантами и манси. Докладчица продемонстрировала существенные различия по комплексу признаков между уграми и самодийцами. Г. М. Давыдова (Москва) в своем выступлении показала сочетание у манси сильной степени уплощенности лицевого скелета с относительно светлой пигментацией (не свойственной, как известно, монголоидам). В выступлении высказано предположение, что подобное сочетание можно считать проявлением древнего антропологического комплекса, лежащего в основании уральской группы типов, как это предполагает В. В. Бунак. С сообщением о территории, древности и происхождении финского элемента в Восточной Прибалтике выступила Р. Я. Денисова (Рига).

На этом же заседании Х. Форсиус (Финляндия) представил новые материалы по трем финским группам Северо-Восточной Финляндии. Он остановился на проблеме финско-лопарских контактов на этой территории (выводы сделаны на основании анализа материалов по пигментации глаз и волос). По мнению докладчика, можно отметить промежуточность некоторых характеристик изученных групп между финнами Южной Финляндии и лопарями.

Заключая работу «круглого стола» по теме «Антропологическая дифференциация финно-угорских народов», Н. Н. Чебоксаров отметил успехи антропологического финно-угроведения. Он напомнил, что планомерное изучение антропологии финских и угорских народов началось еще в 20-е годы главным образом советскими учеными. В настоящее время эти народы в антропологическом отношении изучены лучше многих других. Результаты антропологических исследований важны для воссоздания этнической истории финно-угров.

Доклады по свободно избранным темам были объединены в три группы. Первая и вторая группы, представленные на этнографической секции, были посвящены проблемам фольклора, народной хореографии и театра, а также вопросам развития хозяйства, материальной культуры и социальной организации финно-угорских и самодийских народов. Среди них отметим доклады Э. Н. Таракиной (Саранск) «Жанровая структура современного детского фольклора», А. Ковач (ВНР) «Проблемы ритмики фольклорных текстов», Л. Мандоки (ВНР) «Возможности и задачи изучения загадок финно-угорских народов», Л. Фельфельди (ВНР) «Источники хореографической культуры обских угров», А. Филепа (ВНР) «Жилищная и домашняя культура венгров в средневековье», С. И. Вайнштейна (Москва) «Проблемы социальной организации южносамодийских народов». Третья группа докладов по историко-археологической секции включала доклады по вопросам этногенеза и древних этнокультурных связей финно-угорских народов. Среди них упомянем доклады А. П. Окладникова (Новосибирск) «Сейминская культура и ее восточные связи», Э. Тыниссона (Таллин) «Некоторые аспекты процесса зарождения и развития прибалтийско-финских народностей», П. Вацци (ВНР) «Прародина венгров в свете исторических источников» и др.

Работа конгресса была плодотворной; он способствовал развитию дальнейших контактов финно-угроведов. Благодаря широкому гостеприимству венгерских ученых и большой работе венгерского оргкомитета, делегаты смогли познакомиться со страной и ее столицей Будапештом.

И. М. Золотарева, З. П. Соколова, Л. Н. Терентьева